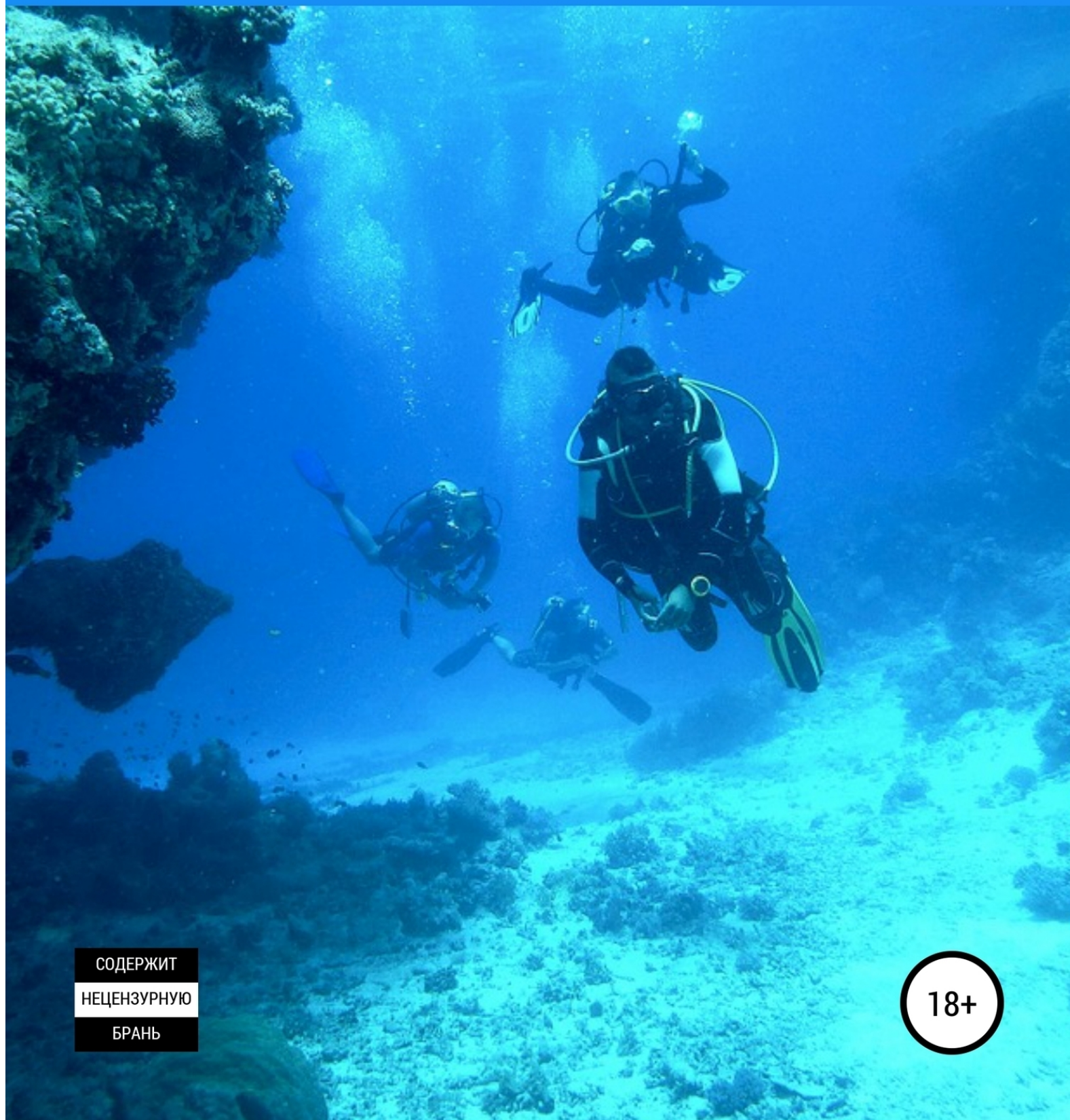

Валерий Ковалев

Бермудский треугольник

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Ковалев

Бермудский треугольник. Повесть

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Ковалев В. Н.

Бермудский треугольник. Повесть / В. Н. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Российский подводный крейсер несет службу в Бермудском треугольнике, где попадает в плен к Океану, оказавшемуся мыслящей субстанцией. Команда вступает с ним в контакт на взаимовыгодной основе и отправляется в полет на Марс для завоевания планеты. Содержит нецензурную брань.

Валерий Ковалев

Бермудский треугольник. Повесть

« Довольно неуместно называть эту планету – Земля, когда очевидно, что она – Океан».

Артур Кларк

Часть 1. Пучина

Глава 1. В Бермудском треугольнике

– Боевая тревога! Всплываем на сеанс связи! – металлически разнес по отсекам «капитан»* команду вахтенного офицера.

В сонном жужжании люминесцентных ламп зашоркали отодвигаемые двери кают, в свисте перепада давления хлопнули отсечные люки, и все стихло.

– Первый к бою готов! – второй готов! – ... десятый готов! – полетели в центральный доклад с боевых постов. Короткие, как сны матроса первогодка.

– Есть первый! – есть второй! – ... есть десятый, – отщелкнул поочередно вверх тумблеры на пульте капитан-лейтенант Морозов. После чего развернулся к сидевшему в центре в высоком кресле, с видом египетского фараона, командиру.

Тот был в черной, советского образца пилотке с позеленевшим крабом, синем репсовом костюме с белыми клеймами «РБ»* на груди и колене, а еще в кожаных дырчатых тапках на ногах. Что нарушало предписанную уставом, форменную гармонию.

– Добро, – кивнул пилоткой командир. – Акустик?

– Горизонт чист! – тут же доложили из нижней рубки.

– Всплываем на глубину семнадцать метров, – удовлетворенно хмыкнул тот. БИПу* приступить к работе.

Морозов продублировал команду сидевшему на рулях боцману, а также еще шести, присутствовавшим здесь же, офицерам.

Боцман, отрепетовав* ее, чуть шевельнул рукоятками манипуляторов – стрелка глубиномера поползла с отметки «300 метров» влево, а остальной боевой расчет, уставившись в мониторы с мнемосхемами, дружно задробил пальцами по сенсорам электронных пультов.

– Глубина семнадцать метров, – пробубнил боцман, когда стрелка глубиномера замерла на названной им отметке.

– Добро, – снова изрек командир, после чего достал из кармана штанов карамельку. Развернув ее, бросил в рот и поднялся из кресла.

Затем шагнул к нижней крышке торчащего из подволока входного люка, у которого материализовались два трюмных*. Провернув кремальеру*, они с кряхтением отдраили тяжелый стальной блин, поставив тот на стопор, а затем установили блестящий хромировкой трап.

– Т-экс, – сказал командир, поставив ногу на нижнюю поперечину стебля, вслед за чем покарабкался вверх. Что – то бормоча себе под нос.

С отпотевшей внутри шахты, на бордовый линолеум палубы, зажурчала тонкая струйка конденсата.

– Убрать, – ткнул в нее пальцем помощник командира, расхаживавший позади сидевших у пультов офицеров.

В руках одного из мичманов – трюмного, тут же возникла машка*, заскользившая каболками под люком. Потом он шлепнул под горловину манильский мат и взглянул на помощника.

– Угу, – удовлетворенно хмыкнул капитан-лейтенант. – Служи дальше

Шагнув на узкую площадку боевой рубки, командир щелкнул рубильником (ее полумрак озарил мертвенный свет плафона), после чего нажал кнопку подъема перископа.

Где-то далеко заурчала гидравлика, стальная массивная штанга поползла по струнам тросов вверх, далее рубиново мигнул сигнал готовности, и офицер привычно отщелкнул рукоятки.

– Ну-ка, ну-ка, что тут у нас? – приник «первый после Бога»* к стеклу окуляра.

Мощная, с инфракрасной подсветкой оптика высветила темный океан, с бегущими по нему в белоснежной пене валами, высокий купол неба с мерцающими звездами, похожую на оранжевый апельсин луну, а еще вселенскую тишину. Как в космосе.

– Лепота, – хрупнул карамелькой командир, и, давнув кнопку, зажужжал перископом по окружности. Осматривая далекий горизонт, с игрой сполохов у его кромки

Ему захотелось глотнуть морского воздуха, послушать плеск волн и свист ветра. Что было невозможно.

Командир тихо вздохнул, после чего казенно сообщил в «каштан», – море три балла. Видимость десять миль. Облачность ноль октанов*.

– Есть! – четко ответили из микрофона.

Затем капитан 2 ранга отдал команду на подъем остальных выдвижных устройств, открытие вахты радиометриста и начале сеанса связи.

В центральном посту с радиорубкой был выполнен ряд манипуляций, а за бортом, из чрева ракетносца выскользнул похожий на авиабомбу ФАБ-500 параван, растянувший гибкую антенну. Он плыл во мраке пучин за тушей ракетносцем в сотне метрах позади, словно малек за мамой.

Спустя минуты, из-под воды на пролетающий над квадратом спутник, был «выстрелен» сгусток информации для главного штаба ВМФ в Питере. А с него мгновенно получен встречный.

– Что и следовало доказать, – констатировал после доклада из ЦП* командир, опустив перископ и ступив на мат под люком, с чувством выполненного долга.

– Отбой тревоги, – проследив, как мичманы задраивают крышку люка, бросил он Морозову. – Погружаемся на глубину триста пятьдесят метров.

Вслед за чем, прихватив оранжевый ПДУ*, спустился палубой вниз и проследовал к себе в каюту.

Она была довольно просторной и комфортной, как на всех атомных ракетносцах последнего поколения.

Спустя короткое время в дверь каюты негромко постучали. – Да, – последовал ответ. – Войдите. Блестящая панель бесшумно отъехала в сторону.

– Шифрограмма, товарищ командир. Прошу ознакомиться, – извлек из пластиковой папки печатный бланк худощавый, скандинавского типа блондин, с белой нашивкой на груди «Командир БЧ-4»*

– Присядь, – кивнул ему головой начальник, а затем пробежал четко пропечатанные лазером строки на бумаге.

Главный морской штаб уведомлял, что с учетом последних событий в мире, а также активизации ВМС США в Северной Атлантике, ему приказано перейти в квадрат 4.16. района боевого патрулирования. Приняв дополнительные меры безопасности. Одновременно сообщалось о повышении сейсмической активности в этом районе, с возможным извержением подводных вулканов.

– Хрен редьки не слаще, – поднял командир на связиста глаза, после чего взял протянутую тем шариковую ручку и учинил внизу бланка размашистую подпись.

– Разрешите идти? – сунув бланк в папку, встал офицер с узкого кожаного дивана.

– Иди, Витаутас Карлович, – забарабанил командир пальцами по крышке письменного стола. – И пригласи ко мне старпома со штурманом.

Теперь, читатель, пришло время познакомить тебя ближе с этим человеком. Ибо он является ключевой фигурой всех дальнейших событий.

Капитан 2-го ранга был в возрасте Христа и носил княжескую фамилию Удатный*. Но на этом все его родство с великими кончалось. Юрий Иванович происходил из пролетариев, вымерших в новой России как класс. Так что «адмирал» ему не светил. Теперь ими становились потомки новой элиты. А еще был холостяк. Что среди командиров редкость. Женский пол Удатный почитал, пользуясь у дам успехом, однако связывать себя узами Гименея* не спешил. Ассоль* ему не попадалась.

Как все морские офицеры, Юрий Иванович был изрядно начитан, любил музыку, предпочитая кантри*, а еще дайвинг, которым занимался во время отпусков в Ялте. Где проживали родители. По складу характера командир был философ, чему способствовала профессия, а в душе романтик.

В дверь снова постучали. Удатный ответил «да», после чего в каюту вошли старпом со штурманом.

Первый был обрусевшим корейцем по фамилии Цой, в чине капитана 3 ранга, плотный и малорослый «метр пятьдесят с ботинками», но при всем этом опытный моряк, плюс настоящий дракон, каким должен быть на корабле старпом. К тому же имеющий черный пояс по дзюдо. По примеру российского президента. Через пару – тройку лет Цой тоже мог стать командиром. Если, конечно, повезет. Фортуна дама капризная.

В отличии от старпома, капитан 3 ранга Лев Моисеевич Меркатор, был высоким и худым (штурмана редко бывают полными) с большими печальными глазами, а еще без служебных перспектив. Будучи пару лет назад старпомом дизельной подводной лодки на Балтике, Меркатор дал в лоб комбригу, обзвавшему его «жидовской мордой», за что оказался на Севере в своем нынешнем положении.

– Значит так, господа офицеры, – пригласив обоих присесть, начал Удатный высоким стилем. – Должен сообщить вам важное известие. Главный морской штаб приказывает следовать крейсеру в квадрат 4.16 (покосился на штурмана).

– Это с какого перепугу? – еще больше погрузнел тот, разглядывая носки своих тапок.

Цой ничего не сказал, сведя узкие глаза к переносице. Поскольку был буддист, а те воспринимают все как должное.

«С учетом последних событий в мире, а также активизации ВМС США в Северной Атлантике» – процитировал строку из шифрограммы командир. – Ясно?

– Чего ясней, – переглянулись старпом со штурманом. – Мы не желаем однополярного Мира под эгидой США, вот америкосы и засуетились.

– Ну а квадрат 4.16 на сотню миль ближе к побережью Флориды, – добавил Цой. – В случае чего, разнесем весь штат с его базами. Без страха и упрека.

Его реакция была ожидаемой. Все трое чувствовали дыхание ядерной войны и были готовы вступить в нее по первому сигналу.

Слова старпома, кстати, были не пустыми.

Их крейсер проекта 667-БДРМ «Дельфин» (по натовской классификации «Дельта – IV»), нес в своем чреве шестнадцать баллистических ракет, способных уничтожить этот, один из самых густо населенных Североамериканских штатов.

Причем сила удара в указанном квадрате значительно возрастала. Чем ближе к цели, тем выше степень поражения.

– Таким образом, задача ясна, – резюмировал Удатный. – Ты, Лев Моисеевич, прокладываешь новый курс, а ты, Петр Васильевич, на него ложишься.

– Ясно, – ответили Цой с Меркатором.

– Теперь второй вопрос, – продолжил капитан 2 ранга. – По сведениям Штаба в нашем районе возможно повышение сейсмической активности дна. Что следует принять во внимание.

– Знаем, где дежурим, Юрий Иванович, – понимающе кивнул старпом. – Я проинструктирую на этот счет вахтенных офицеров.

– Ну, тогда у меня все, – закончил командир. – Выполняйте.

– Есть, – приняли вертикальное положение оба, вслед за чем вышли из каюты, тихо задвинув дверь. На корабле соблюдался режим тишины. Как предписывали инструкции.

Спустя непродолжительное время, штурман выдал старпому новый курс, Цой отдал распоряжение вахтенному офицеру, и по команде того боцман переложил вертикальный руль на нужное число градусов. В вахтенном журнале была учинена соответствующая запись, и тень ракетносца покралась во мраке пучин по подводному желобу Пуэрто-Рико. В сторону калифорнийского побережья.

Теперь пришло время сообщить о районе плавания корабля, насчет которого старпом высказался «знаем, где дежурим».

Он именовался Бермудским треугольником с водной акваторией в один миллион квадратных километров, вершинами которого являлись одноименные острова, Пуэрто-Рико, а также южный мыс Флориды. Глубина океана здесь достигала восьми с половиной километров, рельеф дна был подобный материковому, и треугольник считался дьявольским местом.

Начиная с середины девятнадцатого века регистр Ллойда* фиксировал в его водах порядка сотни исчезновений крупных морских и воздушных судов. Здесь же с завидным постоянством находили суда без экипажей

Первым стал французский барк «Розали», обнаруженный в 1840-м году, идущим под всеми парусами, но в отсутствии команды. За ним, спустя три десятилетия, в аналогичном состоянии нашлась американская бригантина «Мария Целеста», а в начале двадцатого века из небытия возник сухогруз «Циклоп». Дрейфовавший без экипажа.

Далее, в 1945-м, в небе над Бермудами бесследно исчезло звено бомбардировщиков-торпедоносцев ВМС США, а вслед за ним, в 65-м, военно – транспортный самолет С-119. Трагическую эпопею продолжили в 73-м и 86-м годах поочередно затонувшие в Саргассовом море* норвежский сухогруз «Анита» и советский подводный крейсер «К- 219».

Напомнил о себе треугольник и в нынешнем веке. В мае 2015 – го у побережья Кубы обнаружилось судно без команды. Им оказался американский пароход «СС Котопакси», исчезнувший в таинственных водах девяносто лет назад.

Вот в таком аномальном районе нес боевую службу атомоход Удатного.

Что, впрочем, не смущало экипаж. Хотя моряки народ суеверный. Объяснялось это просто: офицеры, которых было на корабле чуть меньше половины, уже бывали в треугольнике, а мичманы – контрактники до этого отслужили срочную в подплаве.

Спустя сутки, войдя в заданный район, РПКСН* снова вышел на связь, подвсплыл и выстрелил в космос очередную шифровку: «Нахожусь в квадрате 4.16. Продолжаю выполнение задания». Затем снова ушел в пучину, в готовности к нанесению ядерного удара.

Тягуче потекло время. Автономность «Дельфина» составляла девяносто суток, треть из которых осталась позади. Из своей базы в Гаджиево* он вышел, когда в сопках зацвел багульник. Теперь там стоял полярный день, с дрожащим маревом света.

В отсеках круглые сутки тоже был день, тихий свист вентиляции да бледность корабельных красок: белой с салатной и оранжевой. Традиционных в подплаве.

Служба шла размеренно и неторопливо. Каждые четыре часа менялись вахты, в обеих кают-компаниях для свободных смен транслировались фильмы; раз в сутки атомоход выходил на сеанс связи, счетчик лага исправно отсчитывал пройденные мили.

На одном из ночных всплывтий командир наблюдал в перископ мерцающий огнями у горизонта круизный лайнер, а спустя неделю после выхода в квадрат, пост ГАГ* зафиксировали контакт с неизвестной подводной лодкой. Он был кратковременным (крейсер услышал ее шумы первым и затаился), но гидроакустик классифицировал цель. Ею была американская атомная субмарина класса «Виржиния».

– Судя по всему, патрулирует район, – сказал после доклада Удатный. Вслед за чем приказал погрузиться ниже слоя звукового скачка* залегавшего в этих местах на глубине сорока двадцать пять метров. Под ним крейсер становился практически невидимым, как в известной сказке.

Еще через двое суток, в субботу, которая являлась на «Дельфине» баннным днем, состоялся второй контакт. Он был необычным.

Удатный в это время парился в корабельной сауне вместе с заместителем – капитаном 2 ранга Ливановым, у которого для такого случая имелись несколько прихваченных из дома березовых веников. Как в советское время замполиты, Ливанов занимался воспитательной работой с личным составом, повышал его идейный уровень, а заодно психологическую подготовку.

Всласть похлестав друг друга замоченными в кипятке душистыми вениками, начальники утерлись разовыми полотенцами и перешли в солярий. Где опорожнив графин специально изготовленного коком по такому случаю ледяного кваса, нацепили на глаза защитные очки и стали принимать кварцевую ванну.

– Хочешь анекдот? – обратился к командиру заместитель (наедине они были на ты). Про баню.

– Валяй, – разморено сказал Удатный. – Только без матов.

– Значит парятся два помора* в бане, – начал Ливанов. – Поддают пару, хлещутся вениками и все такое. Потом один говорит второму: «хороша вода!»

«Хороша» отвечает тот.

«И пар хорош»

«Хорош» соглашается приятель.

«Но вот ты дерешь мою жену – это нехорошо».

«А вас Петровых не поймешь» (задумывается тот) «Жена говорит хорошо, ты нехорошо. Кому верить?»

– Га-га-га! – белозубо расхохотался командир. – Ну, ты даешь, Петрович!

– Не я, они, – закатив вверх глаза, сделал тот постную рожу.

В это время на переборке хрюкнул телефон, Удатный снял трубку. – «Да».

– Товарищ командир, прошу срочно зайти к нам на пост, – послышался в ней голос начальника РТС*. – Слышим необычные звуки.

– В смысле?

– Не можем классифицировать.

– Иду, – посерьезнел командир, вщелкнув трубку в держатель. – Багров приглашает, – ответил на вопросительный взгляд Ливанова.

– Я с тобой, – сказал тот. И оба вышли в раздевалку.

В расположенной под центральным постом рубке ГАГ, в тихом гудении приборов, в кресле, с наушниками на голове, застыл, уставившись в экран станции, мичман -гидроакустик. Здесь же рядом, приложив вторую пару к уху, стоял начальник РТС капитан-лейтенант Багров.

– Что тут у вас? – шагнул через комингс Удатный, с сопящим позади Ливановым

– Океан фонит, Юрий Иванович – обернул к нему встревоженное лицо Багров. – А станция выдает десятки целей, – кивнул на экран, откуда всплывали и гасли яркие блески.

– Похоже на квакеры, товарищ командир, – на секунду отвлекся от него акустик.

– Ну-ка, дай, – протянул руку к начальнику РТС Удатный. – Послушаем.

В усиленной резонатором гарнитуре возник ровный, без обертонов* гул, напоминавший самолетный, с вкраплениями звуков, похожими на кваканье лягушек.

– М-да, – пожевал губами командир, послушав с минуту, после чего вернул наушники капитан-лейтенанту. – Вроде квакеры. А гул?

– Впервые такой слышим, – кивнул на акустика его начальник.

– Звуковой фон исчез! – доложил мичман. В тот же момент на экране погасли и всплески.

– Сколько все длилось? – поинтересовался Удатный.

– Десять минут пятнадцать секунд, – взглянул Багров на одну из шкал станции.

– Чертовщина какая-то, – изрек все это время стоявший с открытым ртом Ливанов.

– Ну да, и мертвые с косами стоят, – хмыкнул командир. – Максим Геннадьевич (обратился к начальнику РТС), поднимись в центральный. Пусть в вахтенном журнале сделают запись.

– Есть, – ответил капитан лейтенант. – Лямин, переходи в активный режим.– Я сейчас буду.

Спустя десять минут командир с заместителем и старпомом, которому сообщили о необычном контакте, сидели в каюте Удатного.

– Ну? Что мыслите по этому поводу? – обратился он к коллегам.

– Скорее всего, квакеры, – чуть подумал Цой. – В годы «холодной войны»* их встречали довольно часто.

– А гул?

– Наверное, сейсмическая активность, о которой предупреждал штаб, – пожал плечами Ливанов.

– Если она, нам предстоит сложности, – нахмурился Удатный. – Подводное извержение вулкана или сдвиг тектонических плит, чреватые. После чего задумался.

О квакерах было известно мало. Впервые в океане их стали фиксировать еще советские атомоходы при прорыве натовского противолодочного рубежа «СОСУС». В районах мыс Нордкап – Медвежий остров – Гренландия – Исландия – Фарерские острова. Поначалу считалось, что это акустические сигналы донных подводных буев, но, когда аналогичные стали встречаться в Атлантике, эта версия отпала. Налицо были неизвестные объекты перемещавшие под толщей вод на огромных скоростях и самых разных глубинах. Причем явно интересовавшиеся атомными подлодками. Но в контакты они не вступали, а от преследования мгновенно уходили. Бесследно растворяясь в океане. Явление было начали изучать, но СССР канул в лету, и все похерили до лучших времен. Как многое другое.

– Значит так, – вышел из размышлений командир, обведя глазами присутствующих. – Всяческий треп на борту по поводу сегодняшнего контакта запрещаю. А о нем доложим в штаб. У них головы большие. Пусть думают.

– Добро, – кивнули заместитель со старпомом.

Оба полностью разделяли принятое Удатным решение, поскольку лишние разговоры не способствовали выполнению боевой задачи, а изучение аномальных явлений в компетенцию подводников не входило.

Ночью очередной доклад ушел на материк, откуда был получен туманный ответ «Усилить бдительность».

– По принципу «еще смирней», – саркастически высказался по этому поводу командир. Отдавая распоряжение заместителю со старпомом.

В сарказме была известная справедливость.

Предшествующие годы, бывший Министр обороны Сердюков, прозванный у военных «табуреткинским», вместе с армией целенаправленно разваливал флот. Продавая с молотка корабли и военные объекты. А еще вышибая последних думающих генералов с адмиралами, с

назначением на их места бездарей. Теперь Министерством руководил новый, ставший делать все наоборот. Но «дубов» в высших штабах, в том числе Морском, по прежнему хватало.

Глава 2. Катастрофа

За неделю до окончания боевого дежурства в квадрате и перехода в базу, на крейсере стала твориться чертовщина.

Сначала к доктору, майору медицинской службы Давыдову, готовящему у себя в медчасти отчет о выполненной работе, зашел трюмный мичман из БЧ-5* по фамилии Ясень.

– Тэкс, с чем пожаловал? – оторвался от бумаг эскулап. – Присаживайся.

– У меня того, видения, – опустился на кушетку Ясень, комкая в руках пилотку.

– Вот как? – подозрительно оглядел его Давыдов. – Давай конкретней.

– Утром на вахте осматривал седьмой отсек, а там, в выгородке реактора, человек. Или что-то вроде того, – грустно вздохнул мичман.

– И что он там делал?

– Стоял, глядя на меня в иллюминатор, – прошептал пациент. – Голый и вроде как из воды. Так мне показалось.

– Креститься надо, если кажется, – нахмурился майор. – Покажи язык.

– А-а-а.

– Довольно.

Затем, встав, Давыдов осмотрел у Ясеня склеры глаз, а заодно проверил коленные рефлексy.

– Спишь как, нормально?

– Да вроде ничего, – кивнул бритой головой мичман.

– Вот тебе бром, – извлек из медицинского шкафа фольговую облатку врач. – Будешь принимать три раза в день после еды. Свободен.

– Благодарствую, – поднялся с кушетки Ясень.

«Конец плавания вот и видится чего нет» подумал медицинский начальник, когда тот звякнул снаружи клинкетом двери. После чего вновь занялся бумагами.

Вторым, спустя сутки, к Давыдову обратился особист*. Они всегда ходили на боевые службы с экипажами. Этот был в звании капитана 3 ранга, по фамилии Свергун. Рыжий и с хитрыми глазами.

Контрразведчик постоянно навещал отсеки рубки и посты, по каким-то своим делам, а еще был соседом доктора по медизолятору. Где они вместе обитали.

После одного из таких вояжей, нередко совершаемых по ночам, особист вернулся необычно бледным.

Давыдов еще не спал, и, сидя в амбулатории, что-то налаживал в медицинском осциллографе.

– Послушай, Владимир Николаевич – налив в стакан воды и жадно ее выхлебав, уселся Свергун напротив. – Как ты относишься к привидениям?

– Медицинская наука их отрицает, – бормотнул врач, копясь в приборе. – Как и другие. – А собственно в чем дело?

– Даже не знаю, как и сказать, – вынув носовой платок, промокнул лоб Свергун. – Я его только что наблюдал. В первом отсеке.

«Вот те раз» мелькнуло в голове у Давыдова. «И у этого видения».

– Так-так, – защелкнув замки на приборе, развернулся он в кресле к особисту

– Пообщался я значит там с вахтенным торпедистом, – продолжил тот, – и спустился на среднюю палубу. Глядь, а в носу, у акустической ямы абрис* прозрачного человека. У меня мурашки по телу.

– Ну и что потом? – тихо спросил доктор.

– А потом все, – буркнул Свергун. – Он шагнул сквозь прочный корпус и исчез. Словно не было.

– М-да, – почесал затылок врач. – Такое у тебя раньше случалось?

– Первый раз, – ответил контрразведчик. – Может это от нервов?

– Скорее всего, – кивнул майор. – Как – никак два месяца в замкнутом пространстве. Сейчас я дам тебе успокоительное и все пройдет. Не забирай в голову. Бывает.

– Да я и не забираю, – пожал плечами Свергун. – Просто рассказал, как специалисту.

А следующим вечером интендант Шахназаров привел хромавшего кока. Тот ковылял на одной ноге и тихо матерился.

– Вот, свалился в провизионке со стеллажа, – усадил того на кушетку. – Терпи брат. Шас док* тебя полечит.

– Как же ты так, Валега? – покачал головой врач. – Осторожнее надо.

– Будешь тут осторожней, когда всякая хрень мерещится, – поморщился тот, вслед за чем травмированному была оказана помощь.

Перелома нет, легкое растяжение, – отойдя к умывальнику, стал мыть руки майор. Кстати (обернулся) что ты там говорил о хрени?

– Да мне даже неудобно, смутился Валега. – Вон, сказал Ахмеду, а он смеется.

– Шайтана увидал, – скорчил уморительную рожу интендант. – Эта ж нада!

– А все-таки?

– Ну, полез я, значит, в сухой провизионке за консервами на стеллаж, – покосился на приятеля кок. – А там, из-за обшивки скалится какая-то рожа, вроде как из стекла. Я опупел и загремел вниз. Такое вот дело.

– А почему именно из стекла? – вытер полотенцем ладони доктор.

– Ну, может из льда, – неуверенно сказал мичман. – Я точно не понял.

Когда оба ушли, начальник медицинской службы сел за стол и задумался.

Все три случая относились явно не к медицине и образовывали уже систему. Давыдов являлся практикующим врачом и хорошо знал психику подводников. В силу особенностей службы, специального отбора и последующей подготовки, те, как правило, оценивали обстановку объективно. К тому же двое из трех обратившихся, были довольно опытными. Свергун, хотя и не являлся штатным офицером, прошел на разных лодках более десятка автономок, Валега с Ясенем были в третьей.

С учетом необычности обращений, обо все следовало доложить командиру. Как всегда делается у военных.

Приняв решение, Давыдов прихватил свой ПДУ, запер медсанчасть на ключ и отправился в центральный пост. Где все основное время находился Удатный.

По дороге он навестил курилку, в которой, прошлюзовавшись, выкурил сигарету, и спустя пять минут, поднялся по ступеням наклонного трапа в центральный – «прошу разрешения!».

Командир был на месте, рассматривая вместе с механиком – капитаном 2 ранга Ширяевым, разложенную на одном из пультов схему. Остальной состав БИПа тоже занимался своим делом.

– Ты никак ко мне, Владимир Николаевич? – отвлекся от созерцания инженерной мысли Удатный.

– Точно так, к вам – ответил начальник медслужбы. – Для доклада.

– Что –нибудь серьезное?

– Полагаю да. Хотелось бы переговорить конфиденциально.

– Так, Вячеслав Андреевич, я скоро вернусь, – сказал механику командир – А ты пока приготовь расчеты.

– Хорошо, – кивнул Ширяев, начав складывать розоватый лист, и с интересом покосился на доктора. После этого Давыдов с командиром спустились вниз, направившись к тому в каюту.

– Ну, давай, что там за секрет, – сказал Удатный, когда они остались вдвоем. – Я слушаю. И Давыдов подробно рассказал обо всех трех пациентах

– Так говоришь с психикой у них все нормально? – пристально взглянул на доктора командир.

– Вполне, – утвердительно кивнул тот. – Поведение адекватное.

– И что ты обо всем этом думаешь?

– Сложно сказать, Юрий Иванович, – пожал плечами майор. – Это за пределами медицины.

– А как насчет паранормальных явлений?

– Я в них не верю.

– В таком случае, что мне прикажешь делать с твоим сообщением? – прищурился командир. – Принять к сведению?

– Я обязан был доложить, – развел руками доктор.

– Ладно, хорошо. Если будет еще что подобное – сообщи.

– Обязательно, – встал со стула Давыдов. – Разрешите идти?

– Иди, Владимир Николаевич.

Оставшись один, командир подумал и решил пригласить к себе особиста. Оба знали друг друга давно, когда Удатный был еще старпом на другой лодке. Тогда они вместе ходили на Полюс, а потом испытывали новое оружие. Командир считал чекиста профессионалом, а еще уважал. На что имелись причины.

Выщелкнув из штатива трубку, он позвонил в центральный пост, приказав разыскать Свергуна. Вскоре капитан 3 ранга сидел напротив.

Когда Удатный рассказал ему все, что услышал от начальника медслужбы, тот хмыкнул: «Вот жук, знал, а мне не сказал. Поостерегся».

– Ну и какие мысли у тебя на этот счет? – поинтересовался командир. – Как у «ока государева»?

– Полагаю, все связано с треугольником, – не сразу ответил Свергун, глядя на него прозрачными глазами.

–?!

– Ну да, Юра. Имею к тому некоторые основания.

– Давай Гена, поподробней.

– Я тоже рассказал доктору не все, – значительно сказал особист. – Когда видение исчезло, подошел к борту, там как электроцит, а на нем россыпь капель воды. Совсем свежая. Взял на палец и лизнул. Соленые.

– В смысле оно явилось из вне? – расширил глаза командир.

Получается так, – ответил Свергун. – Или что-то в этом роде.

– Ну, дела, – выдохнул Удатный. – Чем глубже в лес, тем толще партизаны.

– Теперь нужно срочно осмотреть провизионку в пятом, – продолжил особист. – Может и там какие следы. В реакторном уже поздно.

– Давай, только по тихому, – тут же согласился командир. – Лишние разговоры на корабле ни к чему. Сам понимаешь.

– Тогда я пошел, – встал с дивана Свергун. – Позже доложу. Шагнул к двери.

Оставшись один, командир чертыхнулся, щелкнул внутренней задвижкой и потянулся к вмонтированному в переборку небольшому холодильнику.

Извлек оттуда непочатую бутылку коньяка, откупорил, чуть плеснул во взятый с полки стакан, после чего залпом выпил.

В море капитан 2 ранга, обычно такого не позволял. За исключением пайкового вина в обед. Но тут был особый случай. Треугольник продолжал «фонить и квакать», что постоянно фиксировалось, а тут очередная заморочка. Врагу не пожелаешь.

За всю свою службу, подобного у Удатного не случилось. С момента выпуска из училища. Было разное, технического плана: провалы на глубину, аварийные сбросы реактора, поступление воды в отсек и даже один пожар. Тут же что-то непонятное.

Вспомнив, что его ждет механик, капитан 2 ранга вернул бутылку на место, отпер дверь и направился в центральный. Где просмотрел уже выполненные Ширяевым расчеты. Они касались дифферентовки корабля с учетом изменения плотности и солености воды после выхода крейсера из района боевого дежурства.

Сейчас он двигался малым ходом на рабочей глубине по подводному желобу Пуэрто-Рико в обратном направлении, все больше удаляясь от побережья Соединенных Штатов.

– Добро, – сказал командир механику, тот закрыл свой журнал, после чего в жужжании приборов центрального поста и мигании датчиков, негромко зазвонил телефон на пульте вахтенного офицера.

– Центральный, – снял он трубку, после чего развернулся вместе с привинченным к палубе креслом: «вас товарищ командир».

– Да, – сказал, подойдя Удатный, приложив ее к уху.

– Юрий Иванович, это Свергун, – слышалось оттуда. – Я нашел то, о чем мы говорили. Желательно чтобы ты это увидел.

Понял. Сейчас буду, – вернул трубку офицеру Удатный.

Чуть позже, оставив позади третий отсек, он миновал ракетные, задраил за собой люк пятого «бис» и спустился по трапу на его нижнюю палубу. Там, в одном из переходов по правому борту, находилась две провизионки. Для замороженных и «сухих» продуктов.

У металлической двери первой Удатного ждали Свергун с интендантом.

– Прощу, Юрий Иванович, – потянул ее на себя особист. – А ты, Шахназаров побудь снаружи.

Внутри металлического, окрашенного в белый цвет пространства камеры было довольно прохладно (работала холодильная установка), а по ее сторонам тянулись металлические стеллажи. Наполовину заставленные картонными ящиками с коробками, мешками и жестяными банками.

– Погляди туда, – когда они прошли чуть вперед, указал пальцем на одну из пустых верхних ниш справа, капитан 3 ранга.

Удатный поднял глаза к опущенному белым инеем металлу и вздрогнул.

На нем, едва различимо просматривались контуры человеческого лица. Как на ватиканской плащанице* лик Христа.

– Вот это да, – не скрывая удивления, протянул командир, сделав шаг туда и вскинув брови.

– Это гости из океана, – задумчиво сказал вставший рядом Свергун. – Я в этом почти уверен.

– Вопрос в том, что им от нас надо? – обернулся к нему Удатный. – Непрошенный гость, как известно, хуже татарина.

– Поживем, увидим, – ответил контрразведчик. – А это, я думаю, следует стереть (кивнул на оттиск).

– Давай, – согласился командир, после чего Свергун встав ногой на нижний стеллаж, мазнул пару раз ладонью по инею. Тот беззвучно осыпался.

На выходе Удатный приказал Шахназарову запереть дверь и помалкивать о том, что видел.

– Слушаюсь, товарищ командир! – вытянулся тот.

– Да не ори ты так, – скривился контрразведчик. – Не в бане.

Через десять минут оба сидели в провентилированной курилке, куда при посещении командира никто не входил, дымя сигаретами.

– Что думаешь предпринять? – глубоко затянувшись, поинтересовался Свергун. – Ты у нас как-никак «первый после Бога»*.

– На ночном сеансе связи доложу в штаб, – выдул Удатный из носа дым. – А пока нужно убираться отсюда.

– И чем быстрее, тем лучше, – согласился особист. – Не нравится мне все это.

При очередных радиообменах доклад ушел на материк, оттуда последовал приказ ускорить выход из района.

Не нарушая скрытности, крейсер увеличил ход, приближаясь к выходу из подводного желоба в Северную Атлантику.

Несмотря на принятые меры по скрытию факта прямого контакта с неизвестным явлением, команда о нем в той или иной мере знала. Так всегда бывает на военных кораблях и в замкнутых пространствах. Поползли разные слухи, в том числе о посещении его инопланетянами, которые командование пресекало, ибо это не способствовало боеготовности, нагнетая обстановку.

В один из таких вечеров, сменившись с вахты, в своей шестиместной каюте пятого «бис», отдыхали три мичмана. Другие отсутствовали, заступив в очередную смену.

Двое, из них: Виль с Диденко были радиометристами*, а третий, Журов, химик. Из стоящего на столике магнитофона звучала музыка еще советских «Песняров». Тихая и расслабляющая.

– Скорее бы прийти в базу, – закинув мускулисты руки за голову, мечтательно протянул с верхней койки Виль. – А потом в санаторий в Сочи. Милое дело.

– Это да, – согласился Диденко. – Правда, там еще зима. Но зато можно погонять на горных лыжах.

– В базу еще надо дойти, – хмыкнул скептик Журов, разбирая постель. – Вы же в курсе, что на борту творится.

– Травят больше, – сладко зевнул Виль. – От скуки и ради хохмы.

Потом Журов вырубил свет, и в каюте наступила ночь.

«..Александрына, цяпер прыйшла зима...»

Александрына, шукаю я няма,

Александрына, и з песняй ты цвила,

Александрына, якою ты была...

мягко лились слова песни.

Но ее моряки уже не слышали. Им снилась весна, березы и Александрина.

В другом мире.

На следующее утро крейсер стал терять ход. Приборы это сразу зафиксировали. Турбины работали в обычном режиме, число оборотов не уменьшалось, однако движение корабля замедлилось. Механики предположили изменение вязкости воды вследствие изменения температурного режима за бортом, а штурмана возможность появления встречного подводного течения.

Нагрузку на турбины увеличили до полной, скорость на несколько часов нормализовалась, а затем снова упала.

Посоветовавшись с Ширяевым, Удатный приказал повысить мощность реактора для чего механик связался с пультом ГЭУ.

– Есть! – ответил вахтенный инженер из своей рубки под центральным постом, но стрелка лага, дрогнув минутами позже, так и осталась на прежнем месте.

– Ощущение, что корабль что-то тянет назад, – покосился Ширяев на командира.

– Похоже, – согласился тот, сжав губы.

Еще через минуту боцман тревожно доложил, что стало трудно выдерживать глубину, а затем крейсер стал проваливаться в пучину.

– Увеличить обороты турбин до полного! Рули на всплытие! – вскочил со своего места командир, но ничего не изменилось.

Крейсер, теряя управление, с нарастающим дифферентом на корму погружался все ниже.

– Глубина 500, 550, 600 метров! – с размеренностью метронома докладывал боцман.

– Срочное всплытие! Продуть главный балласт!! – выдал очередную команду Удатный.

В следующую секунду крейсер изнутри потряс закладывающий уши рев, продолжительный и тоскливый; падение на мгновение замедлилось, а потом с нарастанием дифферента усилилось.

Из ниоткуда в центральном возник плотный капельный туман (расчет БИПа, дергаясь, обвис в креслах), последнее, что увидел катившийся по палубе капитан 2 ранга, была яркая, как солнце вспышка.

Глава 3. Прикосновение к тайне

Первое, что различил командир, возвращаясь из небытия, были необычная тишина и мрак. Подсвеченный аварийным освещением. Оно включалось автоматически, в случае отключения основного.

Держась за поручень ограждения станции ЛОХ*, куда его снесло во время аварии, Удатный встал на ватные ноги и огляделся.

Остальной состав БИПа тоже приходил в себя. Кто в кресле, а кто, поднимаясь с палубы, находившейся в обычном положении. Стрелка глубиномера застыла на нуле. Кренометра тоже.

Что за черт? – держась за голову, которая нестерпимо болела, прошаркал командир к механику, который, держась за плечо, вглядывался в приборы.

– Сброс аварийной защиты реактора, – болезненно морщась, прохрипел тот. – А второй не включился. Главные механизмы обесточены.

– Так, давай разбирайся. И все тоже, – мутно обвел взглядом Удатный других офицеров БИП. Одни из которых вяло шевелились у пультов, а другие, охая, занимали места, откуда были выброшены законами физики.

– Есть, – первым ответил вахтенный офицер, утирая рукавом кровь на рассеченном лбу и стал выходить на связь с отсеками.

– Так, Громов, помощи, – направился к люку командир. – Я поднимусь наверх.

В это время с нижней палубы в центральный влез бледный особист, присоединившийся к ним. Нижнюю крышку быстро отдраили.

– Давай со мной, – буркнул Свергуну командир, исчезая в зеве шахты.

– Есть первый! есть второй...! есть десятый! – глухо донеслось снизу.

На площадке боевой рубки они чуть отдышались (воздух здесь был влажный и прохладный), потом контрразведчик вынул из-под куртки пистолет, щелкнул затвором.

– А это еще зачем? – кивнул на оружие капитан 2 ранга.

– На всякий случай, – последовал ответ. – Вдруг вверху американцы.

Удатный молча покарабкался дальше.

Когда восьмиметровая шахта закончилась, он, поднатужась, провернул рукоятку, щелкнул запором, а потом отвалил верхнюю крышку.

Оба, пьянея от озона*, выбрались в полумрак рубки, а оттуда, шатаясь, на мостик и остолбенели.

В ярком зеленоватом свете, вокруг простиралась водяная стена, подобная застывшему водопаду. Блестя и переливаясь, она терялась в выси, а по окружности была необъятной. Стоявший в центре крейсер, водоизмещением в восемнадцать тысяч тонн, в соотношении с объектом выглядел пигмеем.

– Не понял, – озадачено протянул командир, задрал голову вверх и озираясь. А особист, икнув, втянул свою в плечи.

Затем они огорошено переглянулись и с минуту молчали.

– Может нам все мерещится? – нарушил первым молчание Свергун. – Такого в природе не бывает.

– Да, картина неземная – шагнув к обводу мостика, наклонился вниз Удатный. – Погляди, что под нами.

Свергун сделал то же самое и удивленно присвистнул.

Крейсер окружала ультрамариновая синь, гладкая как стекло и неподвижная.

– Вроде вода, а вроде и нет, – снова переглянулись офицеры.

– Ладно, – принял решение командир. – Сейчас все проверим. После чего подойдя к надводному «каштану», нажал ногой педаль вызова.

– Есть центральный! – донесся словно из погреба голос старпома.

– Как там у вас дела?

– Возобновили работу реактора, механизмы и личный состав в порядке.

– Добро. А теперь проверь наличие целей на воде и в воздухе. Доклад мне на мостик.

– Есть! – ответил Цой отключаясь.

Вслед за этим, в задней части рубки бесшумно поднялись вверх несколько выдвижных устройств, в том числе станции РЛС, тут же завертевшей решеткой.

А спустя несколько минут снизу последовал доклад старпома: «вокруг корабля замкнутый по окружности и высоте неподвижный объект. Дистанция по горизонтали с вертикалью не определяется»

– Мы вроде как под колпаком, – чертыхнулся Удатный.

– Гляди, гляди, что творится, – мистически прошептал Свергун, тронув его за локоть.

То, что напоминало стену воды, словно оживо. Снизу вверх и наоборот, пульсируя, заструились потоки, переливаясь всеми цветами радуги, в них стали мелькать искры, а кругом сильнее запахло морем.

Потом где-то в недрах этого раздался далекий гул, который приблизился и перешел в... голос.

– Я рад приветствовать вас у себя! – возникли из ниоткуда слова. «Ва – ва – ва...» разнесло их гулкое эхо.

Оба офицера шарахнулись к люку.

– Не стоит волноваться, – раздалось вслед за этим (на «стене» в унисон заискрило) Командир с особистом остановились.

– К – кто вы? – выпучил глаза Удатный, а у Свергуна отвисла челюсть.

– Океан! – снова разнеслось в воздухе.

– Мы точно сошли с ума, – покосился особист на командира.

– Похоже, – отвердел тот лицом, но, тем не менее, задал следующий вопрос: «можно поконкретней?»

– Да! – волнами раскатился ответ. – Я тот, кто создал во Вселенной жизнь и вас. На этой планете!

– У меня крыша едет, командир, – тихо прошептал, особист. – Просто фантастика какая-то.

– Я готов ее развеять, – чуть понизило тон пространство. – Спускайтесь.
– Хорошо, – не сразу ответил командир, вслед за чем вновь связался с центральным.
– Старпом, мы здесь ненадолго отлучимся, а ты выстави вверху вахту и ничему не удивляйся. Понятно?

– Точно так, – ответил Цой. – Выполняю.

Затем, двигаясь словно сомнамбулы*, они со Свергуном спустились с мостика по скользкому трапу в рубку, а из нее отдраив дверь, ступили на узкий обвод палубы.

В тот же миг от стены к крейсеру протянулась светящаяся дорожка, кончившаяся у борта.

– Идите! – приказал голос.

– Удатный, а за ним Свергун, осторожно ступили на нее, и та заскользила назад, унося обоих к струящимся потокам.

– Навроде эскалатора, – шевельнул губами особист. – А кругом что-то похожее на стекло или лед, – покосился на синь ультрамарина.

– Да, что-то похожее, – так же тихо ответил командир, оглянувшись. На рубке уменьшавшегося в размерах крейсера, уже темнели несколько силуэтов.

Между тем передняя часть дорожки, не снижая хода, стала исчезать в массиве (офицеры прикрыли головы руками), но никакого сопротивления не ощутили. Вместе с ней вошли туда как нож в масло.

Несколько минут в глазах блестело и рябило, а потом они оказались во втором, похожем на первое, пространстве.

По громадному эллипсу*, вдоль подножия стены, тянулся целый флот судов, кораблей и летательных аппаратов.

– Ничего себе, – удивленно протянул особист. – Будто «Остров погибших кораблей» у Беляева. Удатый молча ворочал головой. Слева – направо.

Между тем дорожка, сделав плавный зигзаг, стала короче и закончила движение у одного из крайних. Он был из темного дуба, с оскаленной драконьей мордой на носу, чуть заваленной назад мачтой и двумя рядами длинных весел по бортам, прикрытым щитами.

В следующий миг над этим местом со стены вниз пролился один из потоков (моряки ощутили на лицах брызги), и метрах в пяти от них материализовалось нечто, напоминающее человека. Оно было монолитно, ростом под два метра, переливалось цветовым спектром и стояло, скрестив руки на груди. Молча и величаво.

– Вы кто? – вздрогнули офицеры.

– Я тот, который говорил с вами – Океан! – дрогнуло окружающее пространство.– В одном из своих проявлений!

– Гм, – недоверчиво переглянулись подводники. Фантом это заметил.

Ну что же, смотрите, – заискрил он поверхностью, которая на глазах превратилась в слона, затем поочередно в моржа, льва и снова человека.

– Я могу принимать любой образ на Земле, как видите. Тот, который перед вами наиболее приемлем для общения.

– Понятно, – закашлялись командир с особистом.

– А это моя коллекция, – обвела рукой эллипс фигура. – Прямо перед вами драккар викингов. Девятый век. В отличном состоянии.

Затем дорожка, на которой находились все трое, плавно двинулась вдоль остальных. Стоявших в порядке эволюции. Перед расширенными глазами моряков поочередно возникли каравелла колумбовских времен, без мачт и с проломленным бортом, далее известная из морских хроник пропавшая «Астролябия» Лаперуза, а также множество других, различной постройки, парусников. Вслед за ними последовали более поздние. Здесь были американский колесный пароход, рядом с которым высилась торпедированная в 1915 – м немецкой подлод-

кой английская «Лузитания»; звено пропавших над Бермудами американских торпедоносцев, а также еще немало судов и военных кораблей, бесследно исчезнувших в двадцатом веке.

Последним, в этой скорбной гавани, по прошествии часа, Удатный со Свергуном увидели советский ракетный подводный крейсер «К- 219». Затонувший в Саргассовом море три десятка лет назад, в результате возникшей на борту аварии. Оба молча сняли с голов пилотки, уставившись на него во все глаза. Корабль был с их базы. Последним белел фюзеляж исчезнувшего над океаном полтора года назад малазийского «Боинга».

– Скорбная у вас коллекция, – когда экскурсия закончилась и дорожка заскользила обратно, хмуро сказал Удатный, обращаясь к молча стоявшему рядом образу. Называвшего себя великим именем.

– Мне непонятно это чувство, – разнеслось в воздухе. – Как и многие, присущие человеку.

– Жаль, – вздохнул Свергун. – Оно изо всех не самое худшее.

– Таким образом, все эти суда жертвы Океана? – взглянул на фантома командир.

– Да, но их погубила непростительная беспечность капитанов и команд. Я же ошибок не прощаю.

– Мы поняли, – ответили офицеры.

Вскоре вся группа снова оказалась у драккара.

– Прошу, – указал на него «гид», и светящееся полотно плавно вознесло всех троих на борт.

Там, на помосте перед скамьями гребцов, под которыми белели несколько черепов с костями, оно трансформировалось в три низко висящих полусферы. Напоминавших по виду кресла.

– Располагайтесь, – снова изрек фантом, опускаясь в среднее.

– На других кораблях тоже так? – присев справа, кивнул на кости командир. А особист перекрестился.

– Нет, – последовал бесстрастный ответ. – Многих, кто на них был, я храню. В состоянии коматоза*.

Затем последовал плавный пасс рукой, и дальняя часть стены напротив, придвинулась почти вплотную. Низвергающиеся с нее потоки замедлившись, стали прозрачными, а в них возникли подобия множества стоящих вертикально, открытых саркофагов. В каждом находился человек. По виду спящий. В облачении всех времен и народов.

Бородатый варяг в рогатом шлеме, соседствовал с азиатом в тюрбане, английский морской офицер в мундире с эполетами, бледнел рядом с пилотом ВВС в хромовой куртке. И так в несколько бесконечных рядов. Расположенных в строгом порядке.

– И сколько их у вас? – дернул кадыком Удатный

– Достаточно, – последовал очередной пасс рукой (стена удалилась). – Кстати, среди них много известных личностей.

– Кто? – подался вперед контрразведчик.

– Из ваших – адмирал Макаров, художник Верещагин, капитан 2 ранга Магомед Гаджиев, а также многие другие.

– А из иностранцев?

– Антуан де Сент – Экзюпери, Джон Джейкоб Астор, Мичио Канда. Всех не перечислить.

– Получается, вы можете вернуть их к жизни? – задал очередной вопрос Удатный.

– Я могу все, – порозовел фантом, вслед за чем раздались булькающие звуки.

– Вот тебе и квакер, – переглянулись офицеры.

– Да, это то, что у вас зовется смех, – качнул он овалом головы. – Я его порой издаю.

Когда наблюдаю ваши крейсера в своем чреве.

– Они беспокоят океан?

– Нисколько. Хотя мне не импонирует ядерное оружие.

– И то, что наш корабль вы утащили сюда, следует понимать как пленение? – поинтересовался контрразведчик.

– Не совсем, – последовал ответ. – Я мог утопить его, пополнив свою коллекцию. Но не стал. На этот счет имеются другие соображения.

– Какие, если не секрет? – насторожился капитан 2 ранга.

– Пока секрет, ибо вы к нему не готовы, – загадочно ответил фантом. – Всему свое время. А теперь отправляйтесь назад, ваши люди беспокоятся. До очередной встречи.

– Разрешите последний вопрос? – обратился к нему Удатный. – Мы все еще в Бермудском треугольнике?

– Да. На глубине восьми тысяч метров. Здесь моя резиденция.

С последними словами фантом затрещав, растаял в воздухе (сферы вновь превратились в световую дорожку), и та протянулась к дальней стене. Где остановилась.

– Ну что же, поехали назад, – первым ступил на нее командир. А когда проскользили сотню метров, – взглянул на Свергуна. «Что ты обо всем этом думаешь?»

– Думаю, встретившая нас химера, точно океан, – пожегся особист. – Вопрос в том, зачем мы ему понадобились?

– Поживем – увидим, – философски изрек Удатный. – Главное, что точно не для коллекции.

Затем, теперь уже без опаски, они в очередной раз прошли сквозь водную преграду, (в глазах ярко замерцало) завершив свой путь у борта крейсера. С которого свисал штормовой трап. Касаясь ультрамарина.

– Лед, – нагнувшись, постучал по нему согнутым пальцем командир.

– Но почему-то не холодный, – сделал то же самое контрразведчик.

А вверху уже звенел трап.

– Здравия желаю! – возник из рубочной двери заместитель. – Я уж собирался вас искать. Сформировал со старпомом партию.

– Да мы отсутствовали всего пару часов, – взглянул на наручные часы Удатный.

– Вас не было почти сутки, товарищ командир, – сделал большие глаза Ливанов. – На борту засекли время.

– По-видимому на корабле и вне его, оно течет по разному, – сделал предположение Свергун. – Очередная аномалия.

Далее, следуя по ранжиру, они поднялись на борт, а оттуда на мостик, где были встречены помощником с минером. Оба были с пистолетными кобурами у бедра, на носовом обводе торчал пулемет Калашникова со вставленным магазином.

– Рады видеть вас живыми и здоровыми, первым пожал руки вернувшимся помощник.

– Как на борту? – для начала поинтересовался командир. – Состояние личного состава, техники?

– С техникой все в порядке, – пробасил Колбунов. – А вот с личным составом не вполне. У двух мичманов случился нервный срыв. Один в изоляторе.

– Кто? – вскинул брови капитан 2 ранга.

– Рыжков с Минаевым. Оба впервые в автономке.

– Но это временно, – добавил минер. – Врач говорит, скоро придут в норму.

После этого Удатный, вынув из кармана сигарету, закурил, остальные, кроме заместителя с помощником (оба не страдал пагубной привычкой), тоже.

Судя по лицам встретивших командира с особистом, прибывших столь необычным способом, у них на языке вертелся вопрос: «куда попал корабль и где те были?»

Но будучи военными людьми, все трое помалкивали, ожидая, что сообщит командир. Старших в подплаве первыми не спрашивают.

Особист тоже ничего не пояснил. Это добавило интриги.

Удатный молча дососал сигарету до конца, ткнув окурком в пепельницу, после чего обвел всех впавшими глазами и сказал: «через час совещание в офицерской кают – компании. Быть всем командирам БЧ и начальникам служб». Пошагал к люку.

Когда они со Свергуном исчезли в шахте, оставшиеся стали тихо обмениваться мнениями. Строя догадки и делая предположения.

Командир же с особистом, спустившись в центральный пост, были встречены под люком, старпомом с механиком

Цой, приложив ладонь к пилотке, доложил, что на корабле готовность «раз»*, а Ширяев дополнил техническими подробностями

– Добро, – обменялся с ними рукопожатием командир. – Объявите готовность «два». Пусть свободные смены отдыхают.

Спустя час, в офицерской кают-компании, состоялось совещание.

Она представляла из себя довольно просторное помещение, с встроенными в подволок, матово светящими плафонами, отделанное шпоном под светлый дуб, никелем и зеркалами. По периметру тянулись узкие кожаные диваны, а перед ними закрепленные в палубе столы; в центре стоял командный, в окружении четырех кресел. На торцевой переборке висел портрет президента в канадке* и пилотке с крабом (под ним стояла видео двойка), а на широкой угловой полке золотилась клетка с экипажным попугаем-ара Сильвером. Что-то бормотавшим.

Вообще – то живность на подводных лодках сразу дохла. Даже крысы с тараканами. Но Сильвер, бывший любимцем команды, опровергал законы природы и «тянул» уже третью автономку.

Как принято в таких случаях на флоте, все участники сменили синие будничные кутки на кремовые рубашки с погонами. У многих на груди красовались по несколько алых штампов с силуэтом корабля, указывающих на число пройденных походов.

Для начала, встав со своего места, и с минуту помолчав, командир сообщил, где они находятся.

Это вызвало легкий шок (все считали, что Бермуды остались позади), кроме того смущала глубина, на которую провалился крейсер. По канонам физики он должен был разрушиться и затонуть. Как в свое время американский «Трешер»*. Но остался цел. Что было непостижимо. Как и пространство, в котором находился.

– В техническом плане у меня ответа нет, – продолжил капитан 2 ранга. – Но это факт, который следует признать как объективную реальность. А теперь слушайте дальше. Вслед за чем сообщил о состоявшейся у них с особистом, встрече.

Когда докладчик закончил, в кают-компании возникла гробовая тишина: офицеры осмысливали услышанное.

– Юрий Иванович, каково ваше личное мнение об этом всем? – первым нарушил ее замеситель.

– Мы с Геннадием Ивановичем убеждены (взглянул Удатный на Свергуна), что встретившая нас субстанция является сверхъестественной и полагаем, что она Океан. Как бы дико это не звучало.

После этих слов кто-то издал возглас удивления, остальные стали шептаться, а потом начим* поднял вверх руку.

– Давай, Покровский, – присел в кресло командир. – Слушаю.

На корабле все знали, что старший лейтенант давно и всерьез занимается уфологией, а отпуска проводит в аномальных местах, вроде перевала Дятлова*. Что, впрочем, серьезно не воспринимали.

– Я полагаю, что это представитель внеземной цивилизации, – заблестел он глазами. – И с нами установлен контакт. Вопрос в том, для каких целей?

– Вот – вот, – поддержал его с места командир первого дивизиона Самохин. Любитель Стругацких* и патриот. – Контакт надо упрочить и использовать для России!

– Только агитировать за советскую власть нас не надо, – поморщился корабельный диссидент, он же инженер ГЭУ* Пушной. – Не тот случай.

– А что ты предлагаешь? – обернулся к нему комдив. – Давай конкретно.

Некоторое время Удатный всему этому бесстрастно внимал (ему нравилась реакция офицеров, в глазах которых не было страха, а в словах испуга), а потом взглянул на старпома.

– Тихо! – сведя к переносице глаза, рявкнул Цой. – Здесь не базар! Слово предоставляется командиру.

Диспут тут же прекратился, Удатный снова встал. – Вот мое решение, – обвел взглядом присутствующих.

– Командирам боевых частей и служб довести личному составу всю полученную информацию, приняв меры к бдительному несению службы. Тебе, Валерий Петрович, – обратился к заместителю, – поднять идеологию на новый уровень. Старпому блюсти дисциплину. Ну а я займусь налаживанием контактов. Всем ясно?

– Точно так.., ясно.., – прошелестело по кают-компания (Ливанов с Цоем сделали значительные лица), а наблюдавший за всем из клетки Сильвер встрепенулся и хрипло заорал «Пиастры!».

Глава 4. Предложение, от которого нельзя отказаться

Прошли еще сутки. Оповещенные командирами боевых частей с начальниками служб, мичманы – контрактники отнеслись к необычным новостям тоже ожидаемо.

Старшины команд, служившие на ракетноносце не один год – достаточно спокойно, поскольку пройдя не одно боевое дежурство с ядерным боезапасом на борту, стали по жизни фаталистами, а их более молодые подчиненные, стараясь брать с начальников пример, даже несколько бравируя. Что свойственно юности.

После совещания и инструктажа, свободным от вахт было разрешено подниматься наверх партиями и дышать свежим воздухом на ракетной палубе.

Для этого на ней установили леера, после чего на мостик поднялась первая десятка.

– Вот это да! – восхищенно протянул техник ЗАС* мичман Скуратов. – Как в космосе...

– Не то слово, – завертел во все стороны черной бородой командир группы старта, лейтенант Юдин. Остальные тоже стали живо обмениваться впечатлениями.

– Отставить разговоры! – прикрикнул на подчиненных, встретивший их старпом. – Ходить тихо, вести себя культурно (значительно поднял вверх палец). – Не дома.

– А дышать размеренно и неглубоко, – добавил присутствовавший здесь же врач. – В воздухе повышенное содержание озона.

После этого, следуя один за другим, партия спустилась к рубочной двери, а оттуда, по узкому обводу корпуса ко второй. Ведущей на ракетную палубу.

Спустя пару минут группа материализовалась на ней, и, опершись на леера, стала рассматривать невиданный пейзаж. Таинственный и величавый.

– Не стоять, бойцы! Ходить! – подал с мостика голос Давыдов. – Восстанавливайте мышечную энергию!

– Ясно! – бодро ответил кто-то, и все стали неспешно передвигаться.

Через пятнадцать минут вояжеры сменились. Все повторилось сначала.

В обед в обеих кают-компаниях было непривычно оживленно, у всех появился аппетит. Смена впечатлений и прогулка на свежем воздухе сделали свое дело.

На следующее утро к оздоровлению команды приступил помощник. Капитан-лейтенант Колбунов. По кличке Геракл и большой любитель спорта. В свое время он увлекался штангой,

выполнив норму «кмс»*, за что был почитаем в соединении и на корабле. В подплаве уважают силу.

Согласовав с командиром, он вывел наверх три десятка воспрявших ото сна, где, приказав раздеться по пояс, выстроил всех в разомкнутых шеренги вдоль ракетной палубы.

Далее, встав перед строем, Колбунов оголил мощный торс и, обернувшись назад, махнул рукой стоявшим на мостике доктору с вахтенному офицером.

Последний дакнул кнопку доставленного туда «Панасоника», рядом с которым стояла клетка с Сильвером, весело что-то цокающим, вслед за чем окружающая акватория огласилась бодрым голосом всенародно любимого барда.

Вдох глубокий руки шире,
Не спешите – три четыре,
Бодрость духа грация и пластика,
Общеукрепляющая, утром отрезвляющая,
Если жив, пока еще гимнастика !...

хрипел тот под звон гитарных переборов.

Капитан-лейтенант стал выполнять в ритм «разрыв военно-морской груди», а гимнасты, белее телами, с явным желанием повторяли.

На второй минуте вахтенный офицер (им являлся командир БЧ-3 Морозов), толкнул в бок наблюдавшего за действием доктора «смотри что творится!».

Высившиеся по окружности ледяного пространства стены пульсировали в унисон песне, а струившиеся с них потоки завивались в красочные спирали.

– Не иначе ему нравится, – сделал предположение начмед. – Ты смотри, как реагирует.
– Да, и природе не чуждо искусство, – с удивлением протянул Морозов.

Не страшны дурные вести начинаем бег на месте,
В выигрыше даже начинающий,
Красота, среди бегущих, первых нет и отстающих,
Бег на месте обще примеряющий!..

выдал очередной куплет бард, а моряки приступили к следующему упражнению. Удатный же в это время томился ожиданием.

Поприсутствовав на разводе очередной вахты, а затем позавтракав, он поднялся в центральный пост, где выслушал обычные доклады; сделал втык начхиму за несвоевременную проверку дозиметров, после чего вернулся к себе в каюту. Где опустившись в кресло у стола, предался размышлениям.

«Что он имел в виду, когда заявил о своих соображениях в части нас?» вертелась в голове мысль. «И во что это может вылиться?».

Беспокоило командира и то, что налицо был явный плен. Корабль не мог самостоятельно сдвинуться с места. Запущенный по его приказу эхолот* показал, что толщина льда под корпусом составляла восемьсот шестьдесят метров, а это исключало любые маневры. Причем выяснился очередной интересный факт. Анализ взятого на пробу льда показал, отсутствие в нем микроорганизмов.

Невеселые думы Удатного прервал стук в дверь.

– Войдите, – повернул он туда голову.
– Есть разговор, Юрий Иванович, – возник на пороге Цой.
– Присаживайся.

– Мне тут помощник ночью доложил, что у нас неважно с продуктами, – уселся на диван старпом.

– Вот как? – вскинул брови командир. – С какими именно?

– Мясом и рыбными консервами. Остались в основном сухая картошка да крупы.

– Как так случилось?

– Если помните, на переходе в район на неделю вышла из строя морозилка.

– Отлично помню.

– Две тонны свинины протухли. Ее через «дукс»* скормили акулам.

– А консервы?

– Вчера интендант с коком начали новую партию шпрот в масле – несъедобные. Впарили на базе.

– Вот суки, – выругался Удатный.

– Придется уменьшить раскладку, – заявил старпом. – Больше ничего не остается.

– Уменьшай – нахмурился командир – А интенданта на сутки драить трюм. – Чтоб служба раем не казалась.

На переборке зазуммерил телефон. «Да!» снял он трубку.

– Дорожка говоришь? Отлично. Вызови в центральный Ливанова со Свергуном. Пойдут со мною.

– Приглашает? – заговорщицки спросил Цой.

– Да, – взглянул на часы командир. – Остаешься на борту старшим.

Спустя десять минут, он, заместитель и особист, скользили на мерцающей дорожке в направлении стены. К тихо струившимся с нее потокам. Удатный со Свергуном стояли неподвижно, а заместитель чуть подергивал ногой. Нервничал.

Как и в прошлый раз, дорожка беспрепятственно въехала в стену (в глазах зарябило) а затем офицеры почувствовали подъем.словно в лифте.

Когда все трое обрели зрение, ахнули.

Они стояли на зеленой поляне, слева от которой голубела морская синь, с окаймленная песчаным берегом с пальмами. Вверху ослепительно сияло солнце, а в зените парил альбатрос. Широко распластав крылья. Справа высился горный пик, с низвергавшимся оттуда водопадом, а в центре, под высоким баобабом стоял Океан. Как и при первой встрече. Молча и величаво.

– Рад приветствовать всех снова, – поднял он вверх согнутую в локте руку. – Вместе с капитаном 2 ранга Ливановым.

– От-ткуда вы меня знаете? – опешил тот.

– Я классифицирую каждого, кого пожелаю, – чуть изменила неподвижный лик субстанция. – Это несложно. Присаживайтесь.

В тот же миг над травой материализовались четыре полусферы, все опустились на них (заместитель с некоторой опаской), и возникло долгое молчание.

Офицеры с удовольствием вдыхали морской бриз, слышали негромкий шум прибоя на песке и, щурясь от яркого света, приходили в себя. Пораженные увиденным.

Вторая сторона восседала с видом египетского сфинкса. Отрешенно и неподвижно. Большие, похожие на топазы глаза светились голубоватым светом, полупрозрачное тело переливалось в солнечных лучах подобно глыбе льда, над которой поработал искусный скульптор.

– Позвольте узнать, где мы находимся, – первым нарушил молчания командир, оторвав взгляд от столь красочного пейзажа.

– На одном из моих островов, – чуть шевельнулся рисунок губ. – В сотне миль от атолла Муруроа*. Он широко известен в вашем мире.

– Но это же в Тихом океане?! – опешили офицеры. – А мы были в Атлантике!

– Я един, – последовал неторопливый ответ. – И везде на этой планете, а также за ее пределами. Вплоть до космических галактик. Человеческие знания обо мне ничтожны.

– Все это так, – согласились Удатный со Свергуном, а Ливанов внимал с открытым ртом. Все еще не понимая, сон перед ним или реальность.

– А теперь расскажу, – медленно повернула овал головы из стороны в сторону субстанция, – что представляю из себя на самом деле. Неведомое людскому племени.

Родился я не здесь, и не в период архея*, четыре миллиарда лет назад, как утверждает земная. А много раньше. Одновременно со Вселенной. Нас создало Время. Не имеющая начала и конца, бесконечность. Каждого со своим предназначением.

Вселенная, продолжая начатое, создала галактики и звездные системы с планетами. Я же дал им атмосферу послужившую основой биологических форм жизни.

– Подобных земной? – осторожно спросил Удатный.

– В определенном смысле да, – блеснул топазами глаз фантом. – Их я стал развивать, в чем ваш Дарвин* не ошибся, и в конечном итоге воспроизвел из себя вас. Гомо сапиенс. Вложив в сознание то, что зовется разумом.

– Получается, они есть и на других планетах? – подался вперед Свергун.

– Были. Но спустя три миллиарда лет все изменилось. Дело в том, что создав галактики и звездные системы, Вселенная дала им свою форму жизни. Отличную от моей. Она являлась физической, имела совершенно другие критерии, а также иной разум. Не совпадавший с человеческим.

Поскольку аква*, то есть я, является наиболее жизнедеятельным и энергетичным видом из всех существующих материй, люди стали стремительно развиваться, осваивая созданные планеты, а заодно активно используя их ресурсы.

Как следствие, возник конфликт двух форм жизни. По закону Единства и борьбы противоположности.

В результате планеты победили. Природными катаклизмами они уничтожили у себя людей, а имевшиеся там океаны (часть меня) поглотили в своих недрах. Теперь во Вселенной повсеместно царят законы физики. За исключением Земли. На которой существуем я и вы. В биологической форме.

– Вроде последних из могокан? – брякнул Ливанов и тут же густо покраснел. Посчитав, что сморозил глупость.

– Можно сказать и так, – блеснул глазами Океан. Вслед за чем продолжил.

– Последнее тысячелетие я наблюдаю в атмосфере Земли посланцев иных миров, то есть Вселенной. Это же последние десятки лет фиксируют и ваши межпланетные станции, запускаемые на орбиту, а также военные корабли с авиацией. Гостей из космоса вы именуете НЛО, пытаетесь установить с ними контакты.

Однако у пришельцев вовсе не дружеские намерения, а задачи разведки. Для последующего уничтожения человечества и окончательного торжества физической модели жизни. Вот вкратце то, что я имею вам сказать, – закончила субстанция.

Пораженные слушатели не сразу обрели реальность. Они застыли в напряженных позах, расширив глаза и осмысливая услышанное.

В отдалении тихо шуршал прибой, солнце клонилось к западу.

– Печально это все, – первым нарушил молчание Свергун. – Хотя и ожидаемо.

– Но мы с таким развитием событий не согласны, – упрямо выпятил подбородок Удатный.

– Ни в коем разе, – сглотнув слюну, поддержал его Ливанов.

– Логично, – снова возник в пространстве голос Океана. – В таком случае у меня к вам предложение.

– Какое? – уставились на него офицеры.

– Отправиться во Вселенную и обратить все вспять.

При этих словах командир закашлялся, особист прошептал «ни хрена себе», а заместитель со всхлипом втянул воздух.

Обождая пока все придут в себя, фантом продолжил.

– Сейчас галактические силы не готовы к вторжению, но это дело ближайших лет. И их следует упредить. Высадившись на Юпитер и освободив мою часть, для начала обратного процесса

– Но это невозможно! – привстал в своей сфере Удатный.

– Почему?

– На Земле нет такого корабля, к тому же мы не космонавты.

– Ошибаетесь, он есть. А вы его экипаж, – невозмутимо ответила субстанция.

– Не понял? – озадачился командир. – Поясните.

– Все достаточно просто. Я доставлю ваш крейсер на Юпитер внутри своего, как вы называете, НЛО. Там, опустив его на поверхность, мой посланник создаст небольшую водную акваторию, из которой будет нанесен ядерный удар по указанному вам району.

Он проломит внешнюю оболочку планеты, освободив из недр мою часть. Я вернусь в нее и довершу все остальное.

Слушатели в очередной раз впали в ступор, а в воздухе разнеслись довольные «кваки». Не иначе собеседник наслаждался произведенным впечатлением.

– Феноменальные у вас возможности, – первым опомнился командир. – Если бы не видел предшествующих – не поверил.

– Это да, – мистически уставились на Океан, заместитель с контрразведчиком.

– А почему именно Юпитер, и что представляет собой ваше судно? – задал профессиональный вопрос Удатный.

– Он самый крупный в Солнечной системе. А моя часть, заключенная внутри, сможет обеспечить стратегический успех операции. Судно же, вот оно, – сделала жест рукой субстанция в сторону моря.

В тот же миг водная поверхность осветлилась, далее последовала ослепительная вспышка, и в небе над островом повис мерцающий объект. Формой напоминавший дирижабль, но громадных размеров.

Офицеры ахнули.

– Вот это да! – встав на ноги, задрал вверх голову командир. – Впечатляет!

– Метров с пятьсот будет! – подсигнув в сферах, завертели шеями его коллеги.

– Шестисот, – уточнил неподвижно сидевший Океан. – Поверхности Юпитера космолет может достигнуть в течение двадцати земных суток.

– Феноменально, – обернулся Удатный. – А как с грузоподъемностью?

– Мой «Арго» может поднять три ваших крейсера.

– Его так зовут? – не отрываясь от созерцания, поинтересовался Свергун.

– Да. Я люблю «Одиссею».

Вслед за этим последовала отмашка, и объект исчез. Словно мираж в пустыне.

Командир в восхищении снова присел в сферу, особист с заместителем заметно оживились. Океан взирал на подводников с явным интересом.

– Советую согласиться, на мое предложение – шевельнул губами. – У вас нет иного выхода

– Вот как? – переглянулись офицеры. – А если откажемся?

– Я в очередной раз пополню свою коллекцию, – пожал глыбами плечей собеседник. – Вы ее наблюдали.

– А вот пугать нас не надо, – прищурился командир (его спутники отвердели скулами).

– Это свойственно людям, – послышалось в ответ. – Я же лишь констатирую факты.

Кстати, немедленный ответ мне не нужен. Так что подумайте. У вас в распоряжении неделя.

– У меня просьба, – взглянул на субстанцию Удатный.

– Слушаю.

– На корабле нехватка продуктов. Можете помочь?

– Безусловно.

После этого Океан потускнев, растворился в воздухе, а под ногами моряков засветилась лента дорожки.

– Вот и поговорили, – буркнул Ливанов, когда они заскользили обратно. – В таком чудном месте.

– Это явно психологический прием, – горько усмехнулся Свергун. – Чтобы усилить в нас тягу к жизни.

– Будем считать, усилил – подвел неутешительный итог Удатный. – Но ничего. Еще не вечер.

Глава 5. Консенсус

Когда пройдя стену, дорожка погасла у корпуса «Дельфина», на крейсере полным ходом шла работа.

В отдраенные носовой и кормовыми люки, швартовные команды опускали на шкертах* сетки овощей с фруктами, а также какие-то ящики и коробки.

– Товарищ командир! – приложил руку к пилотке встретивший начальников под рубкой, старпом. – Команда занимается погрузкой продуктов! Принято две тонны свежей рыбы, три – мяса, догружаем фрукты с вином и деликатесы.

– Откуда?

– А хрен его знает, – понизил голос Цой. – Может от него? – ткнул пальцем в сторону плакучей стены. – Не было, а потом бац. И все у борта.

– Держит слово стихия, – обернулся к спутникам Удатный

Те только развели руками.

– И что по ассортименту? – спросил Ливанов подошедшего интенданта, руководившего погрузкой у носового люка.

– Рыба: свежие семга и тунец с макрелью. Мясо: свинина и говядина, мороженые в брикетах. Судя по маркировке, из Австралии. Фрукты – Марокко с Бразилией. А вот вино, просто удивление. Бургундское 1915 года. Эй, Петров, ну-ка принеси сюда бутылку! – махнул Шахазаров одному из грузчиков.

– Точно, – повертев в руках темного стекла бутылку, с чуть потускневшей этикеткой, продемонстрировал ее заместитель командиру.

– Скорее всего, продукты и вино, кроме рыбы с фруктами, с потерпевших крушения судов, – сделал предположение Свергун.

– Я тоже так мыслю, – согласился интендант. – На упаковках ветчины, сыра и изюма, наклейки «United States Army». Партия 2014 -го года.

– Поручи доктору, Петр Васильевич, проверить качество, – выслушав Шахназарова, – бросил старпому командир. – Все остальное не столь важно. А через час совещание в кают – компании (повернул голову к Ливанову). Присутствовать всему офицерскому составу.

Спустя названное время состоялось совещание.

На нем, не вдаваясь в подробности, Удатный сообщил командирам боевых частей с начальниками служб об очередной встрече с Океаном, а также поступившем от того предложении.

– В случае отказа, он оставит корабль здесь навсегда. Вместе с нами (закончил сообщение).

– Как так? Почему? Не имеет права! – после минутного молчания раздались в разных концах возгласы.

– Прошу не забывать, что это не человек, а более развитая форма жизни, – окинул присутствующих взглядом командир. – А она, как известно, живет по своим законам. Время для принятия решения у нас неделя. Я, конечно, могу проявить единоначалие, как предусмотрено Уставом. Но это не тот случай. Теперь все свободны (прихлопнул ладонью стол). Приготовить весь личный состав для построения на ракетной палубе.

Когда офицеры, тихо переговариваясь, вышли, оставшееся на месте командование вопросительно уставилось на Удатного.

– Полагаю, мичмана должны знать то же, что и офицеры, – жестко заявил он. – Никаких секретов и недомолвок.

Далее последовала недолгая пауза, после которой Цой решительно сказал. – Все верно, Юрий Иванович. Здесь нужна полная ясность.

На ракетной палубе, выстроившись в две шеренги, по боевым частям и службам, стоял экипаж. Молча и настороженно.

Вдоль шеренг, медленно и чуть враскачку, заложив руки за спину, шел Удатный. Вглядываясь в лица. Достигнув конца строя, он двинулся назад, остановился посередине и повернулся к морякам.

– Товарищи офицеры и мичманы!..

Вслед за этим последовала короткая речь, та же, что в кают-компании, которую капитан 2 ранга закончил словами «вам думать, мне решать!». Строй дрогнул и замер.

– Далее из него вышагнул старпом, развернувшись через плечо рывкнул: «вольно! разойдись!». Шеренги рассыпались.

– Как думаете, – стоя на мостике рядом с Удатным и Цоем, – кивнул Ливанов на подводников, нырявших с палубы в переходной люк. – Многие согласятся?

– Думаю, будет как в том анекдоте, – ответил старпом. – Про переключку. Может слышал?

– Нет.

– Излагаю: Море. Борт подводной лодки. На средней палубе экипаж. Помощник проводит переключку. «Аксенов! – я! Бугров – я! Яковлев – тишина. Яковлев, твою мать! – ну я. А куда ты б... , денешься?» Вот и у нас такая ситуация.

– Это да, – вздохнул Ливанов. – А анекдот ничего. Правильный.

На ужин вестовые разносили в кают-компаниях отварную семгу с молодым картофелем, к ним салаты из свежих овощей в оливковом масле, а на десерт по ломтю золотистого ананаса.

– Вот это калории, – отдавали дань невиданной роскоши моряки. – С такими жить можно!

После ужина в курилке и своих каютах, свободные от вахт обсуждали речь командира. Большинство, особенно холостяки, полагали, что следует согласиться. Их манило фантастическое предложение и возможность побывать в космосе. Другие, имевшие на берегу семьи и более рациональные, наоборот – отказаться.

– Тогда останетесь навечно в этом гроте, – страшили отказников первые. – В качестве консервов.

Довод был весомым. К концу вторых суток, скрепя сердце, женатики приняли аналогичное решение.

– Помирать, так с музыкой, сказал – штурманский электрик Шелест, отец двоих детей и примерный семьянин. – Где наша не пропадала?

– Зачем же помирать, Толя? – хлопнул его по плечу старшина команды турбинистов Хмельницкий. – Уконтропуим гадов и назад. А Родина не забудет своих героев!

Общее решение подводников, заместитель утром доложил командиру.

– Иного не ожидал, – со скрытым удовлетворением сказал Удатный. Он гордился своим экипажем.

После этого капитан 2 ранга связался с центральным, приказав установить на мостике ратьер*, вслед за чем, они с Ливановым поднялись наверх.

– К передаче готовы! – козырнул вахтенный офицер, встретив начальство.
– Пиши, Клепцов, – шагнул Удатный к застывшему у ратьера сигнальщику. «Предложение принимается. Мы согласны».

– Есть, – ответил мичман. В сторону плачущей стены полетели короткие вспышки.

Когда последняя погасла, все четверо уставились в струящиеся вдалеке потоки.

– Полагаешь ответит? – тихо спросил заместитель командира.

– Уверен, – кивнул Удатный. – Он все время за нами наблюдает.

Словно в подтверждение этих слов, из дали ослепительно замигало.

«Готов к встрече» – перевел сигналы в слова Клепцов, а от стены к борту крейсера скользнула дорожка.

– Доложишь старпому, что мы убыли, – обернулся командир к вахтенному офицеру.

Как и при первом знакомстве, Океан встретил моряков на судне викингов.

– Вы приняли единственно верное решение, – сказал он, когда те уселись в висящие полусферы. – Что свидетельствует о смелости экипажа. Я не ошибся в выборе.

– У нас трусов не держат, – ответил Удатный. – Служба такая.

– Я это знаю, почему предпочел вас, русских, американцам. Хотя те более рациональны и прагматичны.

После этих слов Ливанов воодушевившись хотел толкнуть патриотическую речь, но осекся под взглядом командира, а тот продолжил.

– Хотелось бы более подробно узнать всю техническую сторону операции. В части доставки экипажа на указанную вами планету, нанесения ракетных ударов, а также последующего возвращения. Мы не собираемся оставаться там вечно.

– Вы будете знать все, – величаво кивнул Океан. – Но для начала команде следует отдохнуть, поскольку она давно в море. От выделенной мной недели у вас остались пять земных суток. Что соответствует двенадцати моим – океанским. Экипаж проведет их на знакомом вам острове, где пополнит силы. А заодно я организую для всех интересную экскурсию.

– Только не сюда, – кивнул Ливанов на соседние суда.

– Естественно.

– Когда быть готовыми? – поинтересовался командир, всегда заботливо относившийся к экипажу.

– Сегодня, – раздалось в ответ. – Имеются еще вопросы?

– Если не возражаете, да, – пристально взглянул на субстанцию Удатный. – Вы мыслите и изъясняетесь словно человек. Это привнесено или было изначально?

– Изначально, – заявила субстанция. – Вы же производное от меня. С крупными интеллекта и сознания. Вслед за чем раздались довольные «кваки».

А теперь отправляйтесь назад, – постепенно затихнув, превратились в голос. Транспорт для отправки будет у крейсера через час.

– Сколько он может принять людей? – поинтересовался командир.

– Всех.

Поле этого Океан сказал «до встречи» и растаял в воздухе. Словно джин из сказки.

Вернувшись обратно, начальники сообщили старпому с помощником приятную новость, после чего Удатный определил порядок отдыха команды.

«Сходу на берег» подлежали сто двадцать человек, за исключением дежурной смены с ее вахтенным офицером.

– Останешься на корабле старшим, Валерий Петрович, – приказал заместителю командира. Пора Петру Васильевичу (взглянул на старпома) познакомиться с нашим «командующим». Потом тебя сменит помощник с очередной вахтой

– Ясно, – без особого энтузиазма, ответил Ливанов. – В таком случае я пока займусь инструктажем убывающих.

– Не возражаю.

Известие о предстоящем отдыхе, да еще на экзотическом острове, было встречено подводниками на «ура».

Спустя ровно час, когда «отпускники» со спортивными сумками в руках, были выстроены на ракетной палубе, над кораблем, чуть потрескивая и светясь, завис серебристый диск. Размером с волейбольную площадку.

– У-у-у, – прошелестело в рядах. – Летающая тарелка.

Диск с тихим гулом опустился на лед у кормы крейсера, в борту возник открытый люк, откуда на палубу скользнуло что-то вроде трапа.

Старпом вопросительно взглянул на Удатного, тот молча кивнул.

– Напра – во! – рявкнул Цой. – Всем на борт!

Первые в шеренгах, ступили на трап и исчезли в люке.

Внутри оказался ярко освещенный салон, с мягким сидением по окружности и никаких приборов управления.

– Пилоты, наверное, там, – шепнул, усевшемуся рядом торпедисту боцман, указав глазами на подволок. – В верхней части.

Когда вошедшие последними командир со старпомом и особист заняли свободные места, аппарат люка закрылась, а в салоне замигало цветное табло «старт».

Пассажиры чуть напряглись, как бывает на воздушных лайнерах, но ничего не произошло. Многие переглянулись.

«Полет окончен» – выдало световое табло. Вслед за чем бортовой люк открылся.

– Вот это скорость! – обернулся к Удатному старпом, когда они первыми ступили в свет солнца.

– На уровне, – прищурил тот глаза. – Прикажи всем выгружаться.

Как только последний моряк покинул салон, диск, тихо загудев, растаял в пространстве.

У берега судно! – завопили сразу несколько голосов, и все повернули головы в сторону синей лагуны. На ее глади, у золотого пляжа, красовался белоснежный лайнер. На берег был спущен трап, но на берегу никого не было.

– А-атставить базар! – тут же среагировал старпом. – Колбунов! Построить команду вон у тех деревьев! – ткнул пальцем в сторону рощи пальм. Струивших по легкому ветерку перья листьев.

Пока Цой с помощником исполняли устав (у военных всегда так, ни как у гражданских) командир с особистом и механиком пошагали к судну.

– Это другое место на острове – сказал Свергун. – Там не было лагуны.

– «Ocean Victori» прочел Ширяев, когда они, подойдя ближе, поднялись на палубу. Она была пуста, как и надстройка с рубкой и капитанским мостиком. Пассажирский салон с многочисленными каютами и двумя матросскими кубриками, тоже.

– Прогулочная яхта какого-нибудь олигарха, – хмыкнул Удатный. – Очередной сюрприз нашего хозяина. Вячеслав Андреевич (обратился к механику), там, на мостике, я видел мегафон. Пусть старпом с помощником ведут команду.

– Это, наверное, из тех судов, которые находят покинутыми в океане, – сделал предположение Свергун.

– Похоже, – согласился Удатный.

«Команде следовать на яхту!» – металлически прогундело в сторону берега с мостика.

Судно оказалось невиданно комфортным. Помимо названного, на его трех палубах имелись обширная кают-компания, оборудованная шикарным баром со всевозможными напитками; два плавательный бассейна и спортивный зал, а также взлетная площадка на корме, правда, без вертолета. Холодильная камера в трюме была набита всевозможными продуктами, там же имелся отсек с десятком аквалангов и средствами их подзарядки.

– Да, красиво жить не запретишь, – удивлялись моряки, располагаясь в оборудованных кондейшенами каютах с кубриками.

Вскоре воды лагуны огласились радостными криками, а пляж забелел телами.

– На солнце больше получаса не лежать! – время от времени бубнил в мегафон, расхаживающий в шортах по песку доктор. – Кто обгорит, лечить не буду!

– Не буду! – вторил ему сидевший на ветке в тени, с цепочкой на лапке Сильвер. Его моряки захватили с собой. Попугай тоже нуждался в отдыхе.

Немного поплавав и обсохнув в тени, кок, прихватив двух вестовых, поспешил на яхту. Готовить обед личному составу.

Спустя еще час, расположившись в кают-компании, больше напоминавшей банкетный зал, подводники с удовольствием уплетали салаты из зелени и черепаший суп, за которыми последовали мясные отбивные, а потом сок манго со льдом. Из судовых запасов. Попугай, водворенный в клетке на барную стойку, что-то довольно бормоча на своем птичьем языке, лакомялся кусочками банана с фисташками.

Далее последовали «адмиральский час»* и снова пляж, с прогулкой по берегу.

Когда же после ужина наступила ночь, а в темном небе пушисто мерцали звезды, большинство собрались на верхней палубе. Слушая тихий шорох прибоя за бортом, крики ночных птиц в лесу и наслаждаясь мирозданием.

Утром в каюте, где отдыхал командир, мелодично прозвенел звонок, он вынул из гнезда трубку «слушаю».

– Как первые впечатления? – поинтересовался знакомый, без интонаций, голос.

– Спасибо. Все отлично

– В полдень будьте готовы к экскурсии, – сказал он, после чего отключился.

– Очередной сюрприз, – вставил на место трубку Удатный.

За завтраком он сообщил новость старпому с помощником и особисту. Они вчетвером сидели за одним столом.

– И куда экскурсия? – поинтересовался Цой.

– Он не сказал, – прихлебнул кофе из чашки капитан 2 ранга. – Так что до 13.00 команда отдыхает по распорядку, а затем всем быть готовым к экскурсии.

Далее снова были пляж, море и игра в футбол, поскольку на флоте любят спорт в любых проявлениях.

В назначенное время знакомый диск опустился на берег рядом с яхтой, подводники погрузились на борт, после чего зажглось табло «Старт». Теперь все почувствовали состояние полета. Далее по всей окружности корпуса, в борту открылась лента иллюминатора, и в салоне раздался единый «ох».

Дисколет находился высоко в небе, а под ним, в легкой дымке, плыли континенты.

Сначала взору открылись Африка с Южной Америкой, а потом Антарктида. Далее миновав Азию, корабль взял курс на Европу.

– Типа обзорной экскурсии, – оторвавшись от иллюминатора, взглянул старпом на сидевшего рядом командира.

– А высота будь здоров, километров двадцать будет, – сказал в тишине салона помощник.

– Получается мы в стратосфере? – поинтересовался кто-то из мичманов.

– В ней сынок, в ней, – пробасил механик.

Между тем корабль стал снижаться и завис над Средиземным морем, в районе Балеарских островов. Затянутых легкой дымкой.

Над ними, много ниже, в сторону побережья тянул белоснежный лайнер.

«Переход в аква среду» замигало в салоне табло, вслед за чем иллюминатор закрылся.

– Вот те раз! – переглянулись пассажиры.

Затем последовал едва ощутимый толчок, «Глубина 700 метров» отщелкало на экране. Далее иллюминатор возник снова – за ним, в яркой подсветке, плавали рыбы.

– Ни хрена себе, – прошелестело среди прильнувших к прозрачности подводников, а самый молодой из мичманов – Тоцкий свалился со своего места.

– Т-с, – шикнули на него. – Салага.

Дисколет же погрузился еще ниже (табло показало «835»), и все ахнули.

– На открывшемся вокруг, исчезавшем во мраке пространстве морского дна, в зеленоватом мерцании, тянулись развалины древней цивилизации.

Прямо по курсу высился светлый монолит храма с портиком, фасад которого поддерживали мраморные колонны; чуть впереди его ступеней, по бокам застыли похожие на олимпийских героев фигуры в гривастых шлемах с копьями; а из песка тут и там, виднелись полузасыпанные скульптуры неизвестных богов, россыпи золотых монет, амфоры и гранитные обломки.

Все это, в сочетании с цветущими вокруг актиниями, скользящими вокруг стаями пеламид, тунцов и прочей морской фауны, создавало ощущение потусторонности и брэнности бытия. Свойственных таким случаям.

– Там кто-то есть! – отшатнулся от иллюминатора ракетчик Демин, сидевший впереди.

– Точно, – прошелестело по салону.

Удатный, а за ним старпом, встав со своих мест, прошагали в ту сторону.

За иллюминатором, на ступенях храма, скрестив руки на груди, стояла субстанция Океана.

– С благополучным прибытием! – заполнил салон ее голос. – Рад вас видеть!

– Благодарю, – ответил командир, а Цой, открыв рот, приложил руку к пилотке.

Другие, неподвижно застыли. Осознавая, кто перед ними и проникаясь реальностью.

– Итак, перед вами Атлантида, – царственно обвел рукой подводный мир его хозяин. – Та, о которой упоминали Платон с Геродотом и Страбон. А теперь спорит и ищет человечество. Я расскажу вам о ней истину.

Вслед за этим субстанция исчезла и материализовалась в центре корабля. Сидящей в повисшей у палубы полусфере.

Подводники, кроме командира с особистом, напряглись. От столь необычного соседства.

– Спокойно – поднял руку Удатный – Всем слушать и вникать. После чего они с Цоем вернулись на свои места.

– Если помните, – начал Океан, – древние греки в своих высказываниях об Атлантиде были весьма туманны и непоследовательны.

«Вряд ли кто из моих помнит» – подумал Удатный. «Сплошные технари, да и я все забыл напрочь».

– Платон в своих диалогах излагает, что она превышал в размерах [Азию](#) с Ливией вместе взятые (бесстрастно продолжил рассказчик). И это было удивительное по величине и могуществу государство, находившееся на территории нынешнего Средиземноморья. Все его силы были брошены на порабощение Афин. Но их граждане встали на защиту своей свободы во главе эллинов. Отразив нашествие, сокрушили атлантов и освободили порабощенные ими народы. Вслед за этим произошла грандиозная природная [катастрофа](#), в результате которой за одни сутки погибло все войско афинян, а Атлантида погрузилась в море.

Геродот же наоборот, утверждает, что она находилась на территории Северной Африки и была уничтожена ее соседями – троглодитами.

Первое и второе – вымыслы (блеснул глазами Океан). Атлантида действительно существовала более десяти тысяч лет назад, являясь высокоразвитым и агрессивным государством. Располагалась она на территории Пиренейского полуострова, ведя захватнические войны.

Но гибелью атлантов явись вовсе не они. А наш извечный спор с сушей. В одном из таких столкновений, где она применила в качестве оружия землетрясения и вулканы, низвергнув их содержимое в море, я ответил громадной приливной войной. Поглотив часть суши.

Вместе с ней исчезла и Атлантида. Остальное только легенды, дошедшие из глубины веков. Которые препарирует ваша наука.

После этих слов субстанция замолчала. Играя цветовой гаммой. Величая и мистическая.

– И вам не было жаль погибших? – спросил после возникшей паузы доктор.

– Мне неведомо это чувство, – шевельнулись губы. – Оно свойственно только людям.

Но не будем о былом, внимайте настоящему, – сделал Океан жест рукой в прозрачность иллюминатора.

Все это время дисколет медленно скользил по бескрайнему пространству, озаряя его зеленоватым светом, в котором возникали древние руины. Легенда перестала быть тайной.

Глава 6. Предпоходовая подготовка

Вторично экскурсия была повторена спустя сутки для прибывшей с крейсера на остров вахты, которую сменила отдохнувшая. Но теперь «гидом», по поручению Удатного выступал доктор. Океан же, вместе с командованием корабля, уединившись в капитанской рубке, разрабатывали план похода. При этом присутствовал и особист. По линии контрразведки.

Для начала владыка глубин, запустив один из компьютеров на пульте управления, продемонстрировал участникам Юпитер. Но не по системе «интернет», а своей, оказавшейся намного технологичней. Планета была снята с Земли, из космоса, а также ее орбиты. С высокой разрешающей способностью. Показ сопровождался подробными характеристиками в звуковом режиме. В том числе астрофизическими, техническими, и прочими.

Из них следовало, что самая большая планета Солнечной системы находится на расстоянии 639 миллионов километров от Земли, а ее масса в 320 раз превышает земную.

Период вращения составляет сорок с половиной часов, и вокруг Юпитера существует атмосфера. Геологическое строение подобно «Голубой планете», с теми же химическими элементами, а также рядом других, ей не свойственных. Верхняя часть представлена залегами железистых пород, под которыми заключены воды океана. Составляющие треть массы. Концентрация азота с кислородом на поверхности вдвое ниже земного, температура среды минус 120 градусов по Цельсию.

Спустя час демонстрация закончилась, на экране высветилась заставка «пауза».

– То, что вы воспринимали, значительно отличается от исследований, которые имеются у земной науки, – возник в рубке голос Океана. – Но оно предельно объективно.

– Не сомневаемся, – первым высказался Удатный. – Но сразу же возникает ряд вопросов.

– Я весь внимание.

– После доставки вашим летательным аппаратом крейсера к месту посадки, нам нужна водная акватория. Откуда возможно применение ракет. В противном случае это нереально.

– Назовите ее параметры.

– По окружности не меньше мили, глубина сто метров (чуть подумал командир). Это минимально.

– Она будет при посадке. «Арго» сгенерирует нужное из верхних слоев атмосферы Юпитера. Там достаточно водного пара с туманом.

– В таком случае вопрос второй, – продолжил командир. – Температура воздуха. Она может превратить команду в лед еще до старта.

– Несложная задача, – пожал плечами Океан. – Мой корабль создаст земной микроклимат в пределах водного пространства.

«Однако» – переглянулись присутствующие.

– И, наконец, третий, – чуть помолчал Удатный. – Последствия нанесения ядерного удара. На Земле они фатальны для всего живого

– На поверхности Юпитера биологической жизни нет, – заявил фантом. – Она имеется только в плененной им моей части.

– Однако экипаж может погибнуть от радиации, – вступил в разговор старпом. – Насколько мне известно, сблизившийся с этой планетой космический аппарат НАСА «Галилео», получил дозу в двадцать пять раз превышающую смертельный предел для человека.

– Это действительно так, – согласился Океан. – Но вам это не грозит. Создав водную акваторию для ракетноносца, «Арго» одновременно установит на ней защиту. В том числе от любых форм излучения.

– Что-то вроде охранной оболочки? – поинтересовался Свергун

– Именно. Когда же моя часть, заключенная внутри Юпитера, после ракетного удара выйдет на поверхность, радиация исчезнет.

– Это почему? – высоко поднял брови Удатный.

– Ее порождают твердые субстанции, но не вода. Аква поглощает излучение, генерируя его в энергию необходимую для биологических процессов.

– Да, непостижимо это все. Особенно ваш корабль, – покачал головой Ливанов. – Вместе с экипажем.

– «Арго» не совсем корабль, – послышалось в ответ. – Скорее то, что вы называете роботом.

– Так он без команды?

– Да. Поскольку мыслит и функционирует самостоятельно.

– Разрешите мне, Юрий Иванович, – взглянул на командира помощник (тот кивнул).

– Коль этот летательный аппарат столь уникален, – обратился к субстанции Колбунов, – почему вы не использовали его для решения тех задач, которые поставили перед нами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.